

КУЛЬТУРА АРИСТОКРАТИИ И БУРЖУАЗИИ В ПРОВИНЦИИ

Виллем Г. Вестстейн

“God made the country and man made the town” (Бог создал земли, а человек – города) – известное высказывание английского поэта XVIII века Вильяма Купера, предшественника английских поэтов-романтиков, воспевшего ландшафт и природу Англии.

С понятиями “деревня” и “город” связаны очевидные, общие оценочные суждения, как позитивные, так и негативные. Деревня часто ассоциируется с такими понятиями, как покой, тишина, невинность, – место, где человек ведет естественный образ жизни и способен объединиться с природой, созданной Богом. Этому противопоставляется город, со своей сутолокой и шумом, честолюбием, амбициями и светской жизнью. Однако, часто бывает и наоборот. Тогда город является центром событий, знаний и прогресса; деревня же, в таком случае, является отсталой, невежественной, ограниченной, с точки зрения индивидуального развития.

Противопоставление города деревне датируется не последними двумя-тремя веками, – оно появилось намного раньше. Его можно найти, например, в буколической литературе классических авторов (эклоги Вергилия, знаменитая “Похвала сельской жизни” Горация: “Блажен, кто жизнь свою в свободе провождает...”), где выражены стремления горожанина к простой сельской жизни. Данная традиция живет сквозь века. Расцвет ее приходится на Возрождение, с явлением – среди прочего – “Буколик” Петрарки и “Амето” Боккаччо, потом появляется испанский пасторальный роман (“Галатея” Сервантеса) и бесчисленные *Аркадии* XVI и XVII веков. В XVIII веке, в период Просвещения, различные жанры пасторальной литературы фактически исчезают, с началом проникновения в них посторонних, абсолютно чуждых данным жанрам, материй, как, скажем, политическая и религиозная проблематика. Известным примером может послужить звучащая почти парадоксально или оксюморонно “Городская эклога” Джонатана Свифта (1710 г.).

Говоря обобщенно, в период Просвещения, деревне и жизни в деревне внимания уделяется мало. Что же касается социальной жизни, – королевский Двор занимал центральное положение и концентрировался в столице. Основные понятия Просвещения, скажем, прогрессивное мышление и рациональность, легче связать с жизнью в городе, чем с “природой”, естественной жизнью в деревне. Сама природа была подчинена разуму и рассматривалась как нечто, подлежащее регулировке и упорядочиванию с тем, чтобы – на основании научных открытий – служить человеку.

Во второй половине XVIII века, постепенно начинает расти сопротивление тому усиленному акценту, который в Просвещении придавали науке, промышленному развитию и упорядоченному обществу. Дидро и – особенно – Руссо настаивали на том, что человек творческий гораздо больше вдохновения получает от природы, чем от человеческого общества. Духовное совершенство, таким образом, могло быть реализовано только посредством “природной”, “естественной” жизни. Только в процессе такой естественной жизни, через единение с природой, могло быть сформировано некое идеальное человеческое общество будущего. Как известно, это вылилось в миф о “благородной дикости” и “возвращения в лоно природы”, заполонивших период Предромантизма и Романтизма. Само по себе “возвращение в лоно природы” не только привело к совершенно новым взглядам на деревню и провинцию, но и выразилось в значительных последствиях социальной жизни в провинции. Высшие классы проявляли все больший энтузиазм к жизни в деревне, то есть, среди природы, и в больших количествах отправлялись туда. Город, разумеется, не был отменен, однако он перестал быть единственным местом возделенного проживания, поскольку люди вдруг “заметили” красоту природы и прелесть загородной жизни. “Возвращение в лоно природы” было общеевропейским культурным феноменом, однако, – в зависимости от различий в социально-политических ситуациях каждой страны, – данное движение имело разные эффекты. В настоящей статье я намерен глобально рассмотреть вопросы развития деревенской культуры в Англии, Франции и России в период перехода от Просвещения к Романтизму, т. е. во второй половине XVIII и первой половине XIX веков.

Начну с Англии. В Средние века и в период Возрождения Англия была, в основном, аграрной страной. Большая часть земель находилась в руках аристократии, получавшей доходы от сдачи земли в аренду крестьянам. Аристократия существовала довольно независимо от королевского Двора и – через Парламент – участвовала в управлении страной. Это означало, что, начиная с XVI века, аристократия группировалась в цен-

тре власти, – Лондоне – где располагался и сам королевский двор. Люди строили дома в Лондоне и его окрестностях, и проводили там большую часть года. Земельные угодья посещались, чтобы скоротать досуг, например, чтобы поохотиться. Жизнь в деревне оценивалась при этом довольно низко. Считалось, что это скучно (как посещение дантиста: чем короче, тем лучше) и не идет ни в какое сравнение с интересной, кипучей жизнью города. Лондонские дома и дворцы, строгая прямизна столичных аллей и каналов копировались провинциальной аристократией.

Во второй половине XVIII века, в отношении домов и парков возникает новый вкус или новая мода, тесно связанная с новыми интерпретациями роли и значения природы. Одним из первых законодателей новой моды стал поэт XVIII века Александр Поп, разбивший вокруг своей виллы на Темзе (Твикенгем, вблизи Лондона) совершенно новый парк, резко контрастирующий со строгим французским парком. Парк Попа выглядел как часть “прекрасной природы”, с чудесными водоемами, петляющими тропинками и полянами, окруженными деревьями. Идея подчинения и строгого упорядочивания природы уступила здесь место взглядам, предполагавшим возможность любоваться природой; фактически, идее предпочтения природы перед грязью и безобразностью большого города. Идея “назад к природе” быстро захватила Англию. Жизнь в деревне приобрела совершенно новую ценность. Занятия, которые рассматривались раньше как досужие, например, охота и верховая езда, обрели ореол престижа. Ведь поездка верхом по лесам и полям объединяла человека с природой. Деревенское одиночество уже не считалось скучным, а рассматривалось как нечто желанное. Жить в деревне или, по крайней мере, иметь там основное жилье, было при этом намного лучше, чем в городе.

Изменение взглядов на деревню повлекли за собой то, что принято называть “золотой век английской усадьбы”. Каждый, уважающий себя аристократ, строил в своем поместье дом, тщательно окружая его парком, разбитым по самой последней моде. Денег для этого было в избытке. Просвещение дало толчок всевозможным улучшениям в сельском хозяйстве, за счет чего доходы с арендованной земли ощутимо возросли. Кроме того, жизнь в провинции больше не являлась настоящей изоляцией. В конце восемнадцатого века Англия располагала отличной сетью проезжих дорог с твердым покрытием, облегчавших обоюдные сношения между городом и провинцией. Наслаждение жизнью в деревне не омрачалось чувством затворничества. Модное романтическое одиночество было чрезвычайно приемлемо, поскольку подкреплялось уверенностью в том, что – при необходимости – можно быстро добраться до города, либо наполнить свой дом гостями со всей округи.

Многочисленные усадьбы, построенные в Англии в конце восемнадцатого и в течение девятнадцатого веков, отражают переоценку не только жизни в деревне, но и всей социальной структуры. Крупные землевладельцы, так называемые пэры, строили огромные дворцы. Средства на такие постройки появились, благодаря принятому закону о первородстве, регулировавшему право наследования недвижимости. В связи с этим законом, различные наследства не подвергались дроблению, но оставались в одних руках. Кроме того, для старшего сына всегда очень тщательно подыскивалась невеста, чтобы фамильное состояние после брака еще приумножилось. Для богатого дюка (герцога) или графа во всей стране могло найтись от силы не более четырех-пяти подходящих невест. В английской литературе проблемы любви и брака часто связываются также и с имущественными вопросами. Роман Генри Филдинга “Том Джонс” имеет особенно счастливую развязку не только потому, что влюбленные вступают друг с другом в брак, но и потому, что, в результате их свадьбы, два важнейших в Сомерсетшире земельных владения объединяются. Героиню другого известного романа (“Кларисса” Самуэля Ричардсона) семья вынуждает выйти замуж по расчету с тем, чтобы существенно увеличить семейное богатство и – соответственно – влияние.

Первородство имело еще одно попутное преимущество, состоявшее в том, что младшие братья, не получавшие в наследство ни цента, вынуждены были зарабатывать себе на жизнь. Они служили в церкви и армии, выступали наместниками в различных местах расширяющейся Британской империи, либо обретали богатство в торговле или промышленности. Лишний человек, типичный для русской литературы девятнадцатого века не имел стереотипа в Англии. Однако, первородство имело и негативные стороны. После наследования старшим сыном отцовских земель, вся остальная семья, – его мать, младшие братья и сестры должны были покинуть пределы отцовского дома. Даже если пэр не женился, он оставался в отеческой усадьбе один, а семья его переселялась в другое место. Огромная разница с русской деревенской усадьбой, предоставлявшей крышу не только все разраставшейся семье, включая разных дядюшек и тетушек, но и обедневшим знакомым и соседям (так называемым приживальцам). Такое же различие существовало и в обращении с прислугой. В Англии прислугу нанимали и увольняли, когда исчерпывались ее задачи (например, – няньки или гувернантки). В России прислуга оставалась обычно до самой смерти прикрепленной к хозяйским угодьям и жила в усадьбе. Да и сама по себе английская традиция высших классов делать вид, что обслуживающий персонал не существует и называть прислугу не

по именам, а лишь по исполняемым функциям (повар, кухарка, конюх) была для российской аристократии совершенно чужда. Кроме того, Англия отличалась от России распределением годовой социальной деятельности. Летний сезон, с мая по август, следовало проводить в Лондоне. Осенью устраивалась охота и наносились длительные визиты друзьям и знакомым, с центральным событием – празднованием Рождества – в конце декабря. Весна, еще до начала лондонского сезона, отводилась для заграничных поездок или пребывания на море.

Английская аристократия, высшая и низшая, благодаря тому факту, что в ее руках сосредоточилась большая часть земель, продолжала оказывать серьезное влияние на общество на протяжении всего XIX века. Строгая классовая иерархия: высшая аристократия, низшая аристократия, крупные землевладельцы, мелкие землевладельцы и работники (последние жили в деревнях) не нарушалась. Не нарушилась она и после того, как в XIX веке началась индустриализация (включая каменноугольные прииски), предоставившая работу растущему классу рабочих и сконцентрировавшаяся в быстро расширявшихся фабричных городах. Данные социальные перемены отразились и в литературе (Диккенс), но большинство писателей продолжало ориентироваться на традиционное аграрное общество Англии, уделяя особое внимание конфликтам и проблемам высших классов. Мы можем видеть это в романах Джейн Остин и Джорджа Элиота. Совершенно типичным для викторианской эры является творчество Энтони Троллопа. Ностальгия конца века по деревне и природе – в противовес индустриализации и нарастающей угрозе социализма – отразилась в так называемых “вессекских романах” Томаса Харди и в творчестве таких художественных группировок как Прерафаэлиты. Очарование деревенской жизнью в высших классах Англии сохранялось долго и в двадцатом веке. Даже в детективных романах, скажем, Агаты Кристи и Дороти Сэйерс, в качестве места действия зачастую избирается деревня.

Во Франции деревенская ситуация была несколько иной, чем в Англии. Около 1750 г. во французской деревне еще сохранялась феодальная система. Земли принадлежали аристократии и церкви (церковь имела в своем распоряжении около десяти процентов всех французских земель), а крестьянское население состояло, в большинстве своем, из мелких землевладельцев и безземельных работников. Большое отличие от английской провинции заключалось в наличии во Франции нескольких довольно крупных городов. Помимо Лондона, уже в XVIII веке насчитывающего около

миллиона жителей, в Англии было всего два относительно крупных города – Бристоль и Норвич, каждый из которых имел около двадцати тысяч жителей. Во Франции, помимо Парижа, имелось много крупных городов: Лион (около ста шестидесяти тысяч жителей), шесть городов, чье население составляло от пятидесяти до ста тысяч человек (Марсель, Бордо, Нант, Лиль, Руан и Тулуза) и еще восемнадцать городов, величиной с английский Бристоль. Провинциальные города исполняли роль административных и торговых центров и создавали буржуазию, все более ополчавшуюся против иерархической социальной структуры, при которой аристократия и церковь имели решающее слово. Несмотря на то, что революция 1789 г. была поддержана крестьянами из сельской местности, она была все-таки делом буржуазии и объясняется в основном увеличением данного класса, нацеленного на уничтожение привилегий аристократии и церкви и требующего для себя равноправия.

Французская революция может быть рассмотрена как триумф французской буржуазии. После 1789 г., могущество аристократии и церкви было подорвано. Больше всего пострадала церковь. Все церковные земли были конфискованы и распроданы с аукциона; большинство из них скупил богатая буржуазия. Аристократия утратила свою монопольную позицию в местных управлениях и судопроизводстве. Офицерские чины в армии стали доступны и для людей неаристократического происхождения. Возникла совершенно новая административная система, при которой Франция была поделена на 83 части, каждая из которых получила свою столицу, правительство которой избиралось на основе гражданского равноправия. Была введена единая система налогообложения, а также, рациональная измерительно-весовая система с десятичным основанием (в отдельных местах существовали десятки самых разных манер для измерения длины или для замера веса зерна).

Революция полностью изменила социальную жизнь, благодаря чему, городская буржуазия выдвинулась на передний план. Поскольку влияние Просвещения было намного сильнее и продолжительней, а Романтизм задел Францию намного слабее, чем Англию, то идея “назад к природе” оказала здесь относительно меньшее влияние. Различия между Францией и Англией совершенно очевидно проявляются из литературы этих двух стран. Английская литература ориентирована, в основном, на высшие классы в деревне. Французская же литература ориентируется на городскую буржуазию (столицы или провинции). При этом речь идет в меньшей степени о социальных конфликтах и в большинстве своем о вопросах склада ума, образа мысли. Крупные французские писатели девятнадцатого века, Бальзак, Флобер и Стендаль испытывали отвращение к буржуа-

зной ментальности и тщательно описывали упрямое стремление буржуазии к богатству и респектабельности. Для романтических переживаний природы среди подобных стремлений совсем не оставалось места.

При всех социально-исторических различиях между Англией и Россией, в период с 1750 по 1850 гг. можно, однако, обнаружить и вполне очевидные сходства, а именно отток аристократии в сельскую местность и возникновение культуры деревенских усадебных построек. Для России данный период также является “золотым веком загородной усадьбы”, поскольку в это время везде – изначально вокруг Москвы и Санкт-Петербурга, но позже и в более отдаленных краях – начинают возникать самые разные, декоративно украшенные, спроектированные в европейском стиле загородные усадьбы.

Влечение в деревню, как и в Западной Европе, имело определенные идеологические основы, – Руссо был очень популярен в России – однако получило еще и сильнейший стимул за счет общественных событий, казавшихся роли аристократии.

Российская аристократия до середины XVIII века находилась, как известно, в сильной зависимости от царя. Аристократия была обязана служить в государственных органах управления или в армии, за что и получала от царя вознаграждения, зачастую в виде земель. При необходимости или в случаях царской немилости, дарованное могло быть довольно легко отнятым, – конфискованным. В 1762 г. Екатерина Великая, имевшая, как урожденная германская принцесса, вполне “европейские” представления об аристократии, отменила обязательность службы. Несколько лет спустя, была отменена и произвольная конфискация земель, а кроме того, аристократия получила собственные суды.

Аристократия ухватилась за полученную самостоятельность с тем, чтобы обрести новую идентичность, созданную по европейским, в основном, – английским образцам. Это означало строительство больших, роскошных усадеб в своих провинциальных имениях, окруженных предпочтительно “неупорядоченным” парком, на английский манер. Не у всех хватало на это денег, – английская система законодательного первородства была в России неизвестна, что имело разрушительное воздействие на фамильные владения – поэтому многие наделали огромных долгов лишь для того, чтобы соответствовать идеалам. В этом отношении следует вспомнить Муромского из пушкинской “Барышни-крестьянки”, практически погубившего себя во имя своей английской мании. Загородная усадьба требовалась, на самом деле, для овеществления своего происхож-

дения и положения, а также для того, чтобы служить укромным местом, куда можно приехать на лето для отдыха от суетного, заполненного обедами и балами, зимнего сезона в городе.

. Жизнь в деревне для русской аристократии была однако менее привлекательной, чем для английской. Расстояния до столицы были неизмеримо больше, не только географически, но и как следствие плохих дорог; обусловленная таким образом изоляция привлекала не всех. Постоянное проживание в деревне воспринималось зачастую как катастрофа (примером может послужить умирающий от скуки в собственном имении рассказчик из “Выстрела”, или – много позже – чеховские “Три сестры”). Однако, также как и в Англии, природа и деревня приобрели позитивную оценку. Мы встречаемся с этим в “Евгении Онегине”, где – в фигуре Татьяны – деревенская жизнь рассматривается как источник русской добродетели. Это же отражено в ностальгических мемуарах Аксакова, в не менее ностальгическом образе Обломовки, в изящных описаниях природы у Тургенева и мистических идеях Левина о крестьянской жизни в “Анне Карениной” Толстого.

Огромную разницу с Англией представляли собой и отношения между землевладельцами, с одной стороны, и домашней прислугой, с другой. Если в Англии это были наемные работники, получавшие за свой труд плату или землю в аренду, то в России – до 1861 г. – это были крепостные, с которыми их хозяин мог делать все, что ему вздумается. Кроме того, существовали и серьезные различия между поместьями как таковыми. Они могли представлять собой гармоничные царства, управляемые заботливым патриархальным хозяином, однако, бывали и землевладельцы-деспоты, как, скажем, мать Тургенева. О другой землевладелнице, некоей барыне Салтыковой (отнюдь не родственнице Салтыкова-Щедрина), за которой сохранилась красноречивая кличка “людоедка”, известно, что она – при малейшей провинности – приказывала пороть своих крепостных насмерть.

Социальная структура любой страны отражается в ее литературе. Аристократия, деревня и загородные усадьбы доминируют в английской литературе вплоть до Второй Мировой войны. Аристократия и деревня также находятся в центре внимания русской литературы XIX века, однако, после 1861 г. начинают постепенно исчезать и пропадают окончательно вместе с революцией 1917 г.. Во Франции, после 1789 г., аристократия уступила место буржуазии. Поэтому и французская литература девятнадцатого века ориентируется, предпочтительно, на провинциальных буржуа.

ЛИТЕРАТУРА

- Врангель Н. Н.
1999 Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб. Журнал "Нева", ИТД Летний сад. 1999.
- Иванова Л. В. (ред.)
1999 Мир русской усадьбы. Очерки. Москва. Наука. 1999.
- Корелин А. П.
1979 Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. Москва. Наука. 1979.
- Лотман Ю. М.
1994 Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVII-начало XIX века). СПб. Искусство. 1994.
- Соловьев Ю. Б.
1973 Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Ленинград. Наука. 1973.
- Banas, I. and Bushkovitch P.
1983 The Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven. Yale Council on International and Area Studies. 1983 (Yale Russian and East European Publications, No. 3).
- Beckett J. V.
1986 The Aristocracy in England 1660-1914. London. Basil Blackwell. 1986.
- Bence-Jones M. and Montgomery-Massingberd H.
1979 The British Aristocracy. London. Constable. 1979.
- Blanning T. C. W.
1987 The French Revolution. Aristocracy Versus Bourgeois? London. Macmillan. 1987.
- Bush M.
1983 Noble Privilege. Manchester. Manchester University Press. 1983.
1988 Rich noble, poor noble. Manchester. Manchester University Press. 1988.
- Cannadine D.
1980 Lords and Landlords: the Aristocracy and the Towns 1774-1967. Leicester. Leicester University Press. 1980.
- Gerard J.
1994 Country House Life. Family and Servants, 1815-1914. Oxford. Blackwell. 1994.

- Girouard M.
 1978 *Life in the English Country House. A Social and Architectural History.* New Haven and London. Yale University Press. 1978.
- 2000 *Life in the French Country House.* London. Cassell & Co. 2000.
- Grenzer A.
 1995 *Adel und Landbesitz im ausgehenden Zarenreich. Der russische Landadel zwischen Selbstbehauptung und Anpassung nach Aufhebung der Leibeigenschaft.* Stuttgart. Franz Steiner Verlag. 1995 (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa, Band 40).
- Higgs D.
 1987 *Nobles in Nineteenth-Century France. The Practice of Inegalitarianism.* Baltimore and London. The Johns Hopkins University Press. 1987.
- Lieven D.
 1992 *The Aristocracy in Europe 1815-1914.* Houndmills and London. Macmillan. 1992.
- Petiteau N.
 1997 *Élites et mobilités: la noblesse d'Empire au XIXe siècle (1808-1914).* Paris. La Boutique de l'Histoire. 1997.
- Reden-Dohna, A. von und Melville R. (Hrsg.)
 1988 *Der Adel an der Schwelle des bürgerlichen Zeitalters 1780-1860.* Wiesbaden-Stuttgart. Franz Steiner Verlag. 1988.
- Roosevelt P.
 1995 *Life on the Russian Country Estate. A Social and Cultural History.* New Haven and London. Yale University Press. 1995.
- Thompson F. M. L.
 2001 *Gentrification and the Enterprise Culture. Britain 1780-1980.* Oxford. Oxford University Press. 2001.
- Wehler H.-U. (Hrsg.)
 1990 *Europäischer Adel 1750-1950.* Göttingen. Vandenhoeck & Ruprecht. 1990.